

Яна Гецеу

Три грустные истории

Он её любит, она его нет. Что с этим делать — а есть ли ответ?

Яна Гецеу

**Три грустные истории. Он
её любит, она его нет. Что с
этим делать – а есть ли ответ?**

«Издательские решения»

Гецеу Я.

Три грустные истории. Он её любит, она его нет. Что с этим делать – а есть ли ответ? / Я. Гецеу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502660-6

Первая моя книга, написанная в пятнадцать лет. Здесь уже есть все основные мотивы моей прозы — трагическая любовь, мистика, немного мрачнатины, конечно. Наивно, неровно, подростково, но это — я. Ваша #писательница_яс
Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-502660-6

© Гецеу Я.
© Издательские решения

Содержание

I. Живая вода	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Три грустные истории Он её любит, она его нет. Что с этим делать – а есть ли ответ?

Яна Гецеу

«Причудливо тасуется колода...»

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

© Яна Гецеу, 2019

ISBN 978-5-0050-2660-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Живая вода

Никому не посвящаю...

Отчего да почему,
Да по какому случаю,
Одною тебя люблю,
А десяток мучаю?»
Фольклор.

1995 год.

Ника всегда любила сидеть на подоконниках, и смотреть на улицу, словно кошка. Независимо, день там или ночь, зима или лето. При том она умудрялась помещаться на самых узких площадях, хотя и не была слишком худой. И сейчас, когда мы сидим теплой компанией лучших друзей, она на изменила своей привычке: сидела на подоконнике и размеренно потягивала пиво, а я смотрел на нее, и думал, какая же она красивая! И как мне повезло, что она моя девушка!

Это один из моих лучших вечеров! Вокруг друзья-студенты, завтра воскресенье, и можно сидеть до утра. Электричество отключили – а мы только рады, зажгли свечи, расселись по всей комнате, пьем пиво и просто молчим, созерцая тихое счастье. Раньше мы собирались чаще, но теперь такие тусовки не всегда удаются. У всех дела, учеба, новые друзья, «взрослая жизнь». Но это только добавило, цены нашим вечерам.

Тишина длилась недолго. Хозяйка квартиры, моя подруга детства Катя, достала потрепанные гадальные карты. Этот предмет антиквариата достался ей от бабушки-венгерки. От того казалось, что в них скрыта какая-то особая, таинственная сила. Катя говорила, что им никак не меньше 100 лет, и они никогда не врут. Так вышло, что я женюсь в этом же году, но вроде как не сразу скреплю отношения, а сначала поживу в гражданском браке. А у Кати через 12 лет будет семеро детей. Тоже с какими-то нюансами. Иногда выходили ужасные вещи, иногда смешные. В хорошие хотелось верить, ужасные – списывать на неточность гадания. Все это, конечно, очень несерьезно, тем более в нашем возрасте, но вместе мы снова превращались в детей, и забывали, что нам уже по 20 лет.

В то время, как мои друзья следили за таинственным раскладом судьбы, я глубоко ушел в себя. Я думал, что никогда не женюсь. В этом же году... Да разве и за пять лет что-то изменится? Жениться я мог бы только на Карине. Но она, должно быть, давно нашла другого! Да и я не один. Очередная подружка. Наверное, меня уже нельзя считать «приличным человеком», каковым оставаться учила мама. Сегодня – одна, завтра другая. Но мне не забыть Карины. Я люблю только ее. И всегда любил. Я мечтал видеть ее своей женой с детства, но она бросила меня как только закончила школу, и уехала учиться в МГУ. Чтож, БГУ ей мало, Уфа тесна. Я так надеялся, что она не пройдет, не наберет баллов, и вернется домой, ко мне! Но случилось невероятное, совершенно невозможное: ее приняли, и она осталась в Москве. Я ненавижу этот город, этот университет. Как я их ненавижу!! Они отняли у меня любимую. Моя Ника прекрасная, добрая девушка, достойная всего самого лучшего, него все, что меня держит рядом с ней – это ее черные глаза, ее стрижка, так живо напоминающие о Карине! Мне нужна только их похожесть. Я пытаюсь любить Нику, я хочу любить ее, ведь она реальна, она здесь, а не где-то за 2000 км, но я не люблю ее. Увлекаюсь – да. Но не люблю!

– Эй, ты чего такой смурной? – меня подтолкнули в бок.

– Я? Да нет, все нормально. Устал просто! – я попытался улыбнуться. И чего я опять засох? Нет, надо очнуться, и не думать о плохом, ведь и повода нет! Но почему же мне не легче? Я обнял Нику за плечи. Снова установилась тишина. Нет, с этим пора кончать!

– Ну, че молчим-то? – забросил я сети. Давайте хоть анекдоты рассказывать!

– Вот с тебя и начнем. – поймала меня Лерка, моя одноклассница, единственная блондинка в компании. Как отказать?

– С меня? Ну ладно! Значит так, приходит как-то Штирлиц к Мюллеру...

Так мы сидели еще где-то около трех-четырёх часов. Потом я почувствовал, что больше не могу. В голове гудело, все вокруг то и дело расплывалось, а глаза слипались. Я толком не спал уже трое суток, и вот, не выдержал.

– Устал? – Ника смотрела на меня заботливо и нежно. У женщин это бывает, инстинкт материнства.

– Да, не могу больше. Может, пойдем?

– Вы что, домой? – катя изогнула красивую бровь. – а я думала, вы еще посидите?

– Прости, катюша, мы очень устали! Без обид, ладно? – Ника поднялась, и потянула меня за руку.

– Ё-мое, уже семь натикало! – Юрка Князев, «Рюрик» аж присвистнул.

– Тебе-то что торопиться? у тебя подруги нет, провожать некого! – проворчала хозяйка. Рюрик был «в разводе», а Катя – просто одна, и она похоже стремилась исправить «статус кво», но до парня ее намеки плохо доходили!

– Не, я ничего, Кать, просто удивляюсь! – он оправдательно пожал плечами.

– Да, надо идти, – сказал я.

– Кто с нами? – Ника по всему видно, тоже не прочь опустить головушку на подушку. Поднялись еще несколько человек. Остались только те, кто живет далеко. На радость Кэт, среди них был и Юрка. Ну чтож, Бог им в помощь!

На улице сущий холодильник, хотя гулявший с вечера ветер утих. Занимался серый, прозрачный рассвет. Холодное небо окрасилось розовым, словно на стол пролили портвейн. Хотя это неудачное сравнение, но в голове звенело и болезненно мутилось, и ничего получше я не мог придумать. Я обнял Нику, и еще раз оглянулся вслед удаляющимся друзьям. Они шли на остановку, а я жил недалеко и мог дойти пешком. Ника шла со мной – тоже не горела желанием тащиться через полгорода домой. Проще было вместе отоспаться у меня, а потом уж являться на глаза тете, у которой она жила. Тетка знала, где частенько ночует ее Никуша, и не имела ничего против – я казался ей вполне подходящей партией для любимой племянницы.

Дома у меня был только кот, и общество Ники пришлось как нельзя лучше. Я живу в большой двухкомнатной квартире, вместе с кухней Натальей. Квартира перешла нам по наследству от бабушки, и очень кстати, поскольку это избавило нас от лишних проблем и родительского глаза. Наташа училась в медколледже, вместе с Никой, а я – в БГУ, на рекламе. У нас разные компании и жизнь, мы не мешаем друг-другу – и это главное. Но, помимо родства, у нас много общего. Например, парень Натки – кузен Ники, у которого она собственно и живет. Такой вот родственный обмен.

Едва добравшись до постели, мы упали прямо на покрывало, не раздеваясь. Кот повертелся возле меня, но я не обращал внимания на его пушистую персону, и он ушел к Нике. Как вернулась Наташка, я уже не слышал, счастливо пребывая в объятиях Морфея.

Проснувшись, я посмотрел на часы, и обнаружил, что уже 12. В окно глядел новый серый и мокрый день, близнец вчерашнего. По всему видно, прошел дождь. Страшно не хотелось вставать, болела голова, и настроение – никакое. На месте Ники сладко посапывал кот, а она сама, судя по бречанию радио и звону посуды, на кухне. Я ощутил легкий голод. Надо бы

встать, привести себя в порядок относительный, и присоединиться к подруге. Но так не хочется что-либо делать! Так я и лежал, слушая шуршание крови в ушах, словно в голову натолкали газет и в них завелись мыши. Подошла Ника, присела рядом, потрепала по волосам.

– Вставай! Вставай, my heart, мне одной скучно! – я ощутил поцелуй в шею: – ну хоть чаю со мной попей, я уже принесла! Даже идти не надо! – так жалобно, звонко. Прохладные пальцы пробежались по лицу, легли на лоб. Я взял ее легкие ладошки и поднес к губам. Она нежно рассмеялась.

– Болит голова? – ее губы коснулись моих.

– Уже легче! – пробормотал я. Как приятны ее холодные руки! Лежать бы так вечно, не открывая глаз, держа маленькие ладошки подруги в своих! Жаль, что это невозможно. Пришлось медленно и осторожно приподнять веки. Потом сделал глубокий вдох, рывком сесть. Сейчас же к горлу подкатил комок тошноты.

– Вот это героизм! – засмеялась Ника. – на, выпей чаю, и можешь идти умываться!

– Удивляюсь, откуда в тебе столько сил! – я принял горячую чашку, слегка обжегшую пальцы. – Ты уже и причесана, и вполне жива, а я еще долго буду «явлением»! Наверное, и покушать приготовила, зайка?

– Конечно! Я-то знала, ты проснешься голодный, ну и соорудила та кое-чего!

– Ты моё солнышко! – я пил чай мелкими глотками, и чувствовал горькую нежность. Она такая тонкая, милая, заботливая – ну почему же я не люблю ее?

Тошнота отступила. Внезапно я забеспокоился:

– Ник, а Натаха пришла?

– Пришла. Спит она. С Вадиком всю ночь в «Навигаторе» отрывались, он зарплату получил. Теперь будет нить с похмелья, достанет.

Я хотел было что-нибудь ответить, но зазвонил телефон. Вздвогнув, я снял трубку:

– Да? – никогда не говорю «алло».

– Сань, привет! – полетел радостный мальчишеский голос.

– А, Гордик, привет, братишка!

Всегда рад слышать вредного подростка Гордислава, у нас пять лет разницы, но взаимопонимание полное! Даже девчонки нам нравятся одного типа – хрупкие брюнетки.

– Ну че, братан, как жизнь?

Гордей считал себя уже вполне взрослым, и пятнадцать лет! Но для меня он совсем малыш.

– Все круто, брат! – я подыграл его «крутому» тону: – какие новости, где были, че видали? С Лерой как, не ругаетесь?

– Не, Лерка – умная герлица. Она мне с собой ссориться не дает! Я тут увидел одну – ноги от зубов, класс! Модель, Клава Шифер! Ну, и башку свернул. А Лерка – все ништяк, так и было типа! Прикинь, ни слова! – Гордей изо всех сил старался быть старше. Я улыбался – растет парень наш!

– Это круто! – улыбался я.

– А ты как думал! – похоже, он жутко важничал: – А у вас с Никой все тип-топ?

– Все хорошо, брат! Вчера с корешками на «флету» отрывались, у реально, дома был часиков в восемь тока...

– О-о, мне бы никто бы не дал так! – завистливо протянул Гордей.

– Я в четыре пришел, и то мать такой вой подняла! Ой, че было! «Больше никуда не пойдешь, раз ниче не понимаешь, до двенадцати и все! маленький еще гулять!» неизвестно где шатаюсь, а она переживает, спать не может типа! Ну, это понятно, но ведь ты-то и покруче творил, все равно потом отпускала! И мне похрену, буду гулять! – поставил он точку.

– Нет, Гордислав, ну все же.. так нельзя.. – во мне робко проснулся вдруг занудный воспитатель: – Какие твои года! Успеешь еще! Я конечно, так... да, но это глупо! В самом деле, опасно... мать пойми...

В трубке послышалось недовольное сопение. Че там, понятно, что все мимо. Я доводил маму, он продолжит. Куда деваться, его право совершать свои ошибки.

– Нет, ты понял? – расперло меня малость. – Гордей, ну подожди пару лет, поступишь в универ, переедешь.. Все будет у тебя. Маму не обижай! Брат, не надо так. где ты был-то хоть? – а не мне его учить! Заткнуться пора. Грехи мои тяжкие...

– В дэнс-клубе! – недовольно буркнул братишка. Еще и сердится, а как же, узнаю себя!

– Ой, до четырех? – ну да, и не выставили!

– Ну, не до четырех! К Лерке домой зашли... завалились! У ней предки свалили. Потом расскажу, ладно! А то подробностей много...

– Ладно! Я вот приеду, сейчас скажу когда... – я задумался. Да, вот на следующей неделе, на выходные! Ждите!

– Точно приедешь? – подозрительно спросил брат.

– Точно. Тока ты пока маме не говори! Я сюрпризом! Как она там, мама наша?

– Да ничего! Тебе как ни позвонит, тебя нет. И не разговаривает со мной, обиделась! Я же ее совсем не уважаю, в гроб гоню. А ты один, или с НикитОй?

– Пока не знаю. Может, у нее свои дела.

– Ты, если чек, один приезжай, без обид тока, лады? – осторожно сказал Гордей. – А то мне с тобой бы поговорить надо. Давай?

– Гордей, я постараюсь, но обещать не могу. Но постараюсь! Мама-то дома?

– Нет, она два на два, послезавтра тока дома. Ты звони! Совсем про нас забыл!

– Я буду, буду! Маме привет. И Лерке тоже.

– А ты Нику за меня поцелуй, и обязательно прикатывай! Ну, пока?

– Пока! – я повесил трубу. Меня зацепило повторенное несколько раз «приезжай». Похоже, и вправду, надо, есть что сказать! я подозреваю, что... если я прав, его можно поздравить. Меня тоже самое время поздравлять было в пятнадцать, хоть мне и не слишком понравилось. Я едва не заработал комплекс, ведь не понимал, что в пятнадцать рано ждать от себя подвигов. Первый раз в любом случае только первый.

Я взглянул на Нику – она уже спала, завернувшись в покрывало. Пусть отдыхает, моя девочка. Чай остыл, и я нехотя поднялся. Держась за стены и плющась от тошноты, я взял из аптечки 4 таблетки активированного угля, я пронес себя в ванную. По дороге заглянув в открытую дверь Натальиной комнаты – на нерастеленной постели, разметав по подушке пышные кислотно-рыжие кудри спала моя красивая сестренка. До чего же хороши бывают девчонки в семнадцать лет! Наташка – живой огонь, даже когда спит. Иногда я жалею, что мы родня... люблюсь ей, ее солнечными длинными кудряшками, розовыми пальчиками, ее улыбкой свежих губ.

А какой была моя Карина в 17! Я невесело покачал головой, поднял покрывало, сброшенное неосторожным движением, укрыл сестру, и пошел дальше. Снова вспомнилась Карина. Тоска-а... В ванной присев на стиральную машину, уставился в зеркало. Я часто так делаю, и Никки дразнит меня нарциссом, но это не от любви к себе, или к соевей похмельной роже, а потому что эти «гляделки» помогают отвлечься. Когда я смотрю себе в глаза, я не вижу себя, я просто отключаюсь от всего, и мысли бегут сами по себе. Это способ расслабиться. Говорят, я похож на молодого Бутусова. Не знаю, может и так. Но я не замечал. Просидев так минут пятнадцать я начал нехотя умываться, чистить зубы с отвращением сплевывая горькую пасту. Как попало побрился, немножко порезавшись. Делать ничего не хочу, и не могу. Хоть и надо, зачет завтра. Залезть бы в шкаф, где темно и пыльно, завернуться во что-нибудь, и чтоб весь мир исчез. Как же я устал! До чего же мне надоел универ! Бросить бы его. Бросить! Хочется

сидеть в шкафу. И больше ничего. Я прошел на кухню. Сел за стол, закрыв глаза. Захотелось курить. Но сигареты остались в комнате. Не пойду! чем ходить, так лучше перебиться! есть расхотелось, и слава богу! Еду тоже брать надо, опять труд. Не пойду завтра никуда! На хрен универ. Зачет пересдам. Мне необходима передышка! Без никого. Хотя бы день... А, прова-лись совсем эта учеба!

Я открыл глаза и увидел мафон пред собой – странно, почему я его сразу не заметил? – и включил его. Неожиданно загремел какой-то рэив. Вздрогнув, я вынул кассету. Видно Наташка гоняла без меня эту новомодную херню. Я такого не слушаю никогда! Рядом нашелся «Князь Тишины» «Нау» – вот это мое! Могу слушать «Кино», «Агату Кристи», «Короля и Шута», «Настю», но круче всех «Наутилус»! эта любовь пришла ко мне в пионерлагере. Тогда все ходили и орали хором «Нау» и только «Нау»! Я нажал старт, и Бутусов жалобно завыл «Я хочу быть с тобой». Меня эта песня просто ломает! Самое лучшее выражение двух последних лет. Подперев тяжеленную голову руками, я уставился в окно. Там собирался дождь. И как мне не надоест этот голос? Я ведь не фанат, а Бутусова слышу в тысячный раз. Под настроение или без него, в дождь и в жару, в компании и в одиночку, утром и ночью, пьяный и в себе я слушаю «Наутилус». Какое притяжение в этих горьких песнях! Ника вообще утверждает, что Бутусов – лучший певец всех времен и народов. Я бы так не сказал, но не слушать его не могу! Может, просто привык? «Я так хочу быть с тобой, и я буду с тобой!» А я вот не буду. На холодильнике я заметил желанную пачку сигарет. Поднялся с трудом, взял одну и снова сел. Так и сидел, не закуривая, и ни о чем не думая.

– Пой, пой, Князь Тишины!

Дверь приоткрылась, и моё уединение нарушила Наталья. Она сонно зевнула, и спросила охрипшим со сна голосом:

– Ты чай пить будешь?

– Я кивнул. Она поставила чайник на плиту, села напротив, и закрыла глаза. Прибежал кот Рекс, потерся о мои ноги, разинув розовую пасть, наглым громким мяу потребовал еды. Я бросил сигарету на стол, поднялся, налил ему молока и накрошил хлеба. Поставил на стол чайные чашки, в кухню вошла Ника. Сладко потянувшись, обняла меня, и потерлась о плечо щекой:

– Ой, как я устала!

– Садись, my soul, будем чай пить! – сказал я и поцеловал ее в теплый висок, достал третью чашку, сахар, молоко, хлеб, варенье, сыр и масло. Тикали часы. Закипал чайник. Уходил в небытие еще один день. Наташка открыла один глаз. Через паузу – другой.

– Привет, Ник! – взгляд ее упал на стол: – О, это правильно! А я думаю, догадаешься – нет, я то я есть хочу! Догадался!

– Он умный парень! – поддержала Ника.

– А ты, видимо, с похмела? – лицо у сестренки самое невинное.

– А ты, видимо, нет? – я разозлился. И без нее нехорошо!

– Ты тока не ругайся! Я же просто так! в «Динамик» седне пойдешь?

– Куда? – не понял я.

– На дэнсинг! Это клуб новый, там круто! Рэив-пати!

– Не-е, нахрен, че я там не видал? Клубы все одинаковые.

– Ну, может к вечеру и надумаешь, а?

– Натали, лучше подумайте об учебе! И в двадцать лет хочется совсем не того, что вам в ваши юные семнадцать! Лучше спать...

В тот вечер, я конечно же никуда не пошел. Позвонил Нике, долго трепались ни о чем, отвлекал ее от зубрежки. Потом валялся перед теликом, смотрел всякую труху с Ван-Даммом.

Я-то решил забить на завтра, мне можно. Наташка умотала-таки с Вадиком в свой гребанный «Динамик», а я завалился спать.

Конечно, мне пригрезилась Карина. Наша первая встреча. Ей было три года, мне четыре. Она сидела в песочнице, и сосредоточенно придавала песку форму ведерка. А я смотрел на нее, одновременно понимая, что это сон, и веря, что все происходит именно сейчас. Я подумал: «какая красивая девочка, как моя мама!» У нее и правда были такие же персидские глаза, как у моей матери, будто это ее дочь. Только мама была невысокой и смуглой, а Карина выросла юным топольком. Но особенно красивой она никогда не была, если объективно – прозрачная кожа, припухшие губы, которые она вечно кусала (дико сексуально, до обморока!!) прямой нос с высокой тонкой переносицей, броски – ниточки, лопатки торчат, худенькая. Очень бледная, синие жилки просвечивают на височках. Общее впечатление какой-то малокровности. Мама называла ее «мой цыпленочек». Но воображение поражали ее черные, несколько раскосые, совершенно восточные глаза, два драгоценных камня в стрелках черных ресниц, дрожащие на готическом лице как звезды в чашке воды. Я пытался заглянуть в эти очи открыв рот и забыв дышать. Но девочка сидела опустив голову, и мне не часто это удавалось. Я вздрагивал от каждого ее взгляда, и сердце больно сжималось, но мне хотелось, чтобы она взглядывала еще и еще! Теплый ветерок шевелил редкие пушистые волосенки на ее макушке. Во сне я протянул руку, чтобы коснуться ее, хотя тогда, давно я этого не сделал. И тут Каринуша схватила лопатку и с криком: «Ну, что ты смотришь?» стукнула меня по руке. Несильно, конечно, но больно. Я мужественно стерпел, на заплакал – это ведь Она меня ударила! Я продолжал смотреть на девочку во все глаза. Тогда она отошла подальше, и сердито сопя, села спиной ко мне. Я подошел к ней, и спросил, заложив руки за спину:

– А как тебя зовут?

Она насупилась, помолчала немного, а потом сказала:

– Калина. Тока я больше ничего тебе не скажу! Иди отсюда!

Я вздохнул как можно грустнее, и продолжал стоять. Она упорно не замечала меня. А я не знал, что говорить, и очень стеснялся. Потом вышла мама:

– Славик, идем обедать!

– Я не хочу, мам! – но она подошла, и увела меня за руку в дом. После обеда я ей признался на ушко, что у меня аж в животе дрожит, когда я вижу одну девочку, ее Калина зовут. Мама засмеялась, и сказала, что не Калина, а Карина, она просто букву «р» еще не выговаривает, она ведь младше меня на целый год! И ее нужно защищать. А когда у меня будет братик или сестренка, я буду старше на целых пять лет, и тоже должен буду защищать его или ее. Я плохо понял о чем она. Потом она очень серьезно сказала, что я уже большой, и девочка моя – просто красавица! Я был горд счастлив!

Когда мы пошли в школу, у Карины не было защитника вернее, чем я. Мы учились в разных школах, но зато жили в одном доме, и я каждое утро вставал пораньше, чтобы проводить ее. После уроков бежал по переулкам, стремясь успеть встретить ее и вместе идти доимой. Нас дразнили «жених и невеста», Карина очень обижалась, а мне даже льстило. Я дарил ей цветы, носил ее портфель, бил ее обидчиков – ее дразнили палкой и селедкой, – но и поклонников тоже бил, тем более! Никого к ней не подпускал как верный пес. Вообще, был страшно ревнив. Ревность – наследство отца. Он тоже безумно любил маму с детства, и всегда очень ревновал.

А я совершенно не давал Карине никакой свободы, и она старалась избегать меня. Я не понимал, почему, очень огорчался, и продолжал ходить за ней как привязанный.

А сон мой продолжался. И вот, Карина уже не маленькая девочка, а серьезная отличница, с короткой стрижкой карэ, девушка четырнадцать лет в тонком платьице, светлом и чуть прозрачном на солнце. Когда она стояла против света, ее тонкие, мальчишеские ножки просвечи-

вало, и сердце мое замирало, стянутое горячими обручами. Мне было пятнадцать, и я уже имел так называемый сексуальный опыт, ерунда, конечно, но я жутко гордился тогда. Но Карина оставалась все той же святыней, и даже вскользь коснуться ее было райским мучением, наслаждением ада! Со знанием дела я оценивал ноги всех проходящих мимо девчонок и девиц, но ножки любимой я знал до последней родинки, и обожал их, мечтая целовать пыль, по которой они ступали (классический случай!). у нее была совершенно особенная, только ее кокетливая мушка-родинка сердечком чуть выше худой правой коленки, ее мне так безумно хотелось просто коснуться губами! Моей поэмой были каждая царапинка, жилка, тонкий белый шрамик на левой лодыжке: «С качели упала, поцарапалась! И вообще, не пялся так откровенно, мои ноги не в узорах! Не медом намазаны!» А я все равно пялился – да разве не в узорах, разве не медом... И пытаюсь невзначай коснуться ее коленок, таких хрупких, но она всегда их отдергивала, а однажды даже залепила ощутимую пощечину. Я был счастлив! О, самым сексуальнейшим, иссушающим видением было то, что я опоил ее снотворным, и целую без конца ее ножки, коленки, выше...

Тогда я принимался хитрить, – то убирал налипшую травинку, то снимал случайный волосок, слегка касаясь нежной кожи кончиками пальцев.

В моем сне Карина шла босиком по нагретому солнцем покосившемуся бордюру, ловко переставляя маленькие стопочки циркачки и балансируя раскинутыми руками, держа в каждой по сандалиии. Она шла прямо из мечты, а я плелся рядом, готовый в любую минуту подхватить любовь свою, если она вдруг споткнется... мечтая об этом! Поймать ее улыбку... но это упрямое большеглазое чудо не желало даже смотреть на меня, какое мучение! Карина полностью сосредоточилась на бордюре, представляя себя канатоходкой. Она дошла до конца, и я мгновенно оказался рядом, замирая протянул ей руку, чтобы помочь сойти. Конечно, ей этого не нужно, ну а вдруг... и это случилось, она вознаградила мои страдания – подняла свои бесценные глаза на меня и улыбнулась:

– Але, оп! Чем я не циркач?

– Потом мы шли рядом, она благосклонно держала меня за руку, а я умирал от счастья! Я ловил каждое ее слово, и всячески показывал себя рыцарем – купил ей мороженого и нарвал цветов, что соответствовало моим представлениям о настоящем мужчине – папа часто приносил маме цветы.

Протягивая букет во сне, я вдруг обнаружил, что Карине уже не четырнадцать, а семнадцать лет, и вокруг не лето, а зима, темно и холодно. Но мне скорее жарко, кровь стучит в висках, и сердце сжимается, полыхая. Я приближаюсь к моей жестокой принцессе. Как я люблю ее, боже мой! Я вижу ее в каждой худой девчонке, я умираю от желания, лишь коснувшись ее кончиками пальцев!

Но это была наша последняя встреча. Именно тогда Карина бросила меня. В тот проклятый вечер она объявила мне, что решила учиться в Москве. Вот сдаст экзамены, и после выпускного сразу уедет. Я впал в отчаяние, этого не может быть! Как же я останусь без нее? Я пытался что-то говорить в свою защиту, но Карина оставалась непреклонна. Я едва на колени не стал, но хозяйка моих чувств довольно жестоко объяснила мне, что так будет лучше для всех.

– Я не люблю тебя! – сказала она.

– Да и что ты мне можешь дать? Что вообще может дать мне этот город? Ты сам подумай, ведь здесь же нет никаких перспектив! Я не хочу гнить здесь всю жизнь, я хочу в Москву, как бы трудно мне не было! Даже если... ну неважно!

– Но ведь мы же не сможем видеться! – в отчаянии крикнул я.

– А и не надо! – последовал холодный ответ. – ты найдешь другую и забудешь про меня. Ну что такое первая любовь? – будто заучив чужое повторяла она. – Приятное воспоминание. Знаешь, сколько девчонок по тебе сохнут только в нашем классе? Женишься, дети у тебя будут, такие же красивые, как ты, – она погладила меня по волосам, заглянула в глаза. – Но пойми, себе я не хочу, не могу приказать! Не могу любить тебя только за то, что ты хороший и добрый. Ты мне очень нравишься, иначе бы я не стала с тобой водиться. Но любовь... такое у меня сердце!

Я готов был плакать. Мне хотелось умереть, но не выносить мысль, что я лишусь Карины. Мы долго целовались, ее волосы пахли чаем, я чувствую этот ее постоянный запах и сейчас. Я шептал, что никогда не забуду ее, она отвечала. Что я вру, и все у меня образуется. А я терял контроль над собой и сжимал ее, хрупкую, в объятиях все сильнее...

После этого вечера Карина стала избегать меня, считая, что говорить больше не о чем. Не брала трубку, если я звонил, хотя я точно знал, что она дома. Появлялась на улице с разными парнями, и пресекала все попытки поговорить.

– Неужели ты еще не понял, это все! я больше не хочу тебя видеть.

Мне хотелось убить ее и ее дружков, и я бил их, ввязываясь в разборки без конца. Изводился, и тихо сходил с ума. А вредная моя девчонка, ссылаясь на разные причины, отказывала мне во встречах. Со злости я стал гулять со всеми знакомыми девчонками, напропалую и без зазрения совести. Но при том я испытывал к ним отвращение – их волосы не пахли чаем. Я стал очень циничен и потерял уважение к себе и кому бы то ни было. «Я не мужчина, раз она не любит меня», и мучил все новых подружек. Друзья советовали бросит гордычку, не ценящую настоящих чувств, и посмотреть внимательно вокруг – всегда можно найти и покрасивее и подоступнее. Меня эти советы бесили – никого красивее Карины нет, я люблю ее с четырех лет! Пацаны пытались отрезвить меня, заставить посмотреть ан не реально – бледная, при черных волосах вообще прозрачна, узкое лицо, плоская, как доска. И при таких «достоинствах» жутко заносчива. Я впадал в бешенство, близкое к аффекту, и едва не дрался с лучшими друзьями, потом приходилось мириться. Временами мне все же начинало казаться, что они правы, и в Карине ничего нет, кроме звучного имени... но стоило мне снова увидеть ее бездонные черные цыганские очи, полные невыразимой ночной тайны и лунного света, и меня пробирала дрожь, и я казнился, не понимая, как мог я думать, что она нехороша! И она притягивала к себе, и демон желания изводил меня.

Весна в тот год пришла слишком быстро, Карина заканчивала школу, а я первый курс новооткрытого факультета рекламы БГУ. Приближался школьный выпускной, нагоняя на меня горькое отчаяние – скоро я даже видеть не смогу моего ангела! В душе я тихо лелеял мелочную надежду, что она не пройдет в МГУ, ведь это очень сложно, почти нереально, и ей придется остаться в Уфе. Я заботился о себе, а не об успехе Карины. «Но, – думал я, – чем же плох наш БГУ? Тоже очень престижное учебное заведение! Не Москва, конечно, но все же!» Но школу Каринуша заканчивала с большим успехом, и мрачные мысли, что ее способности все же проложат ей путь в Москву, добивали меня. И я сломался. Начал пить, ходил к любимой каждый вечер, доставал ее совершенно. Она не желала меня видеть ни пьяного, ни резвого, ругала последними словами, выговаривала, что у нее золотая медаль «светит», и к вступешкам готовиться надо, и вообще я – урод паскудный, чтобы больше не показывал ей свою рожу. Но я все же мучительно выжидал пару дней и снова навещал ее. Ответ был тот же.

Наконец, наступил несчастнейший день, когда Карина уехала, увозя с собой помимо своего желания мое сердце. Она уехала, и даже проводит себя не позволила – на вокзал ее отвез отец. Со мной случилась истерика. Я разбил стакан рукой и сильно порезался. Я метался по квартире, пачкая все вокруг кровью, и совершенно не представляя, как же я останусь без

моей принцессы, и что же мне теперь делать. Я долго жил как в тумане, не имея сил бороться с депрессией. Не знаю, как сдал госник, и перешел на второй курс. Слонялся сутками по городу, сильно обхудал и сорвал почки. Мама очень переживая, уговаривала пристроить меня на лечение в больницу, где сама работала, но для этого ей нужно было меня сначала поймать. «Прости меня, не путевого, но сил жить по-человечески нет!» Не внимал никаким речам друзей, к вечеру регулярно напивался, шлялся с сомнительными девицами, мотался по чужим «хатам», курил гашиш и анашу, а то и вовсе что там подвернется. Ангел-хранитель, должно быть, получил премию, сберег ведь меня и от милиции, и от драк, и от заразы венерической. Но и выговор тоже – я продолжал пить. Тело не выдерживало, и в редкие моменты протрезвления ломало почки, сводило печень, рвота с кровью... В универе встал вопрос об исключении.

И в один из таких пьяных вечеров познакомился с Никой. Она поступила в медколледж вместе с моей Натальей, и девки всюю праздновали это событие у нас на хате. Меня поразила ее схожесть с Кариной, однотипность их черт. Лицо Ники ярче и четче, как бы более строгий вариант обожаемых мною линий: черные глаза, брови-стрелочки, ровное карэ, будто зацелованные, припухшие губы. Все вместе это толкнуло меня, страшного, пьяного, больного, здорово прицепиться к ней. Она смеялась, и не гнала меня, как ни странно, даже симпатизировала. Я проводил ее до дома, развлекая пьяной болтовней, где она даже разрешила себя поцеловать. Когда я зашел слишком далеко, будто собираясь прощаться, сразу осадила. Но телефон свой дала. Придя домой, я все думал о новой знакомой. И без конца сравнивал ее с Кариной. Их роднило все – и походка, и стрижка. Но глаза прекраснее у моего черного ангелочка. А вот формы Никины выгоднее – и на вид, и на ощупь, больше плавности и мягкости. Кожа Ники как персик, а Карина – прозрачная аристократка, манящая меня бессонными ночами. Ника обжигает, Карина же – Снежная Королева. Недоступная моя повелительница.

Поразмыслив так, я решил, что обе они прекрасны, но разница в том, что Карина далеко, а Ника здесь, и она меня не гонит, не топчет моего несчастного самолюбия, и даже в том оборванном виде, каким я ей предстал, признавала во мне мужчину. Чтож, эта штучка может стать мне отличным утешением. Достаточно унижаться!

На следующий же день я позвонил новой пассии, договорился о встрече в парке. Там, среди цветущей зелени завязались наши легкие летние отношения. Я нашла ухаживать за Никой, и жизнь моя пошла веселее. решив не торопиться, я от флирта постепенно переходил на более тесные отношения. Поначалу мне только и нужна была от Ники только ее внешняя схожесть с Кариной, которую я впитывал так жадно, что заставил девчонку считать, будто влюблен в нее. Я не стал разубеждать, но незаметно для себя увлекся общительной, чувственной красавицей. Но проклятая любовь была столь сильна, что и по сей день моя подушка нет-нет да и намокнет от слез. Черная жемчужина не отпустила моего сердца, и продолжала душить на расстоянии. Думая спастись с Никой от Карины, я ошибался... я увлекся одной, сгорая другой. Загнав это чувство на самое дно души, я продолжал жить Никой и кровь мою гоняла любовь. Я убрал подальше наши общие фотки, но смог убрать Карину из сердца. Она снилась мне ночами, и я боялся что с губ моих сорвется ее имя, и Ника обидится, бросит меня, снова надо будет пить. Обнимая Нику в темноте квартиры, я видел не ее, и сходил с ума. Пытаясь казаться простецким рубахой-парнем, я хранил глубокую соленую и горькую как море тоску, берегов у которой не было.

Я проснулся, и почувствовал себя самым несчастным человеком на Земле. Самым одиноким во вселенной. Из-под закрытых век побежали по щекам горячие слезы. Мужчины не плачут, но какой я, нафиг, мужчина, если не в состоянии удержать любимую девушку. Я ударил кулаком по подушке – а что, если Карина спит сейчас с кем-то другим? Черт, черт!

Из закоулков сознания пришли слова из любимого «Нау», где они всегда хранились:

Да, ты можешь быть скучной,

*Ты можешь быть злой,
Но когда твой телефон молчит, я беседую мысленно только с тобой
И никто нас не разъединит!*

Я глубоко вздохнул, пытаюсь унять слезы, но только заплакал еще сильнее. Какое же я ничтожество, раз ее не привлекаю!

Я сел на постели, шепча:
– Карина... о, Карина!
*Есть одна любовь – та, что здесь и сейчас,
Есть другая – та, что всегда.
Есть вода, которую пьют, чтобы жить.
А есть живая вода!*

Одна любовь – здесь и сейчас, вода, которую я пью, чтобы жить – Янка. Другая любовь, та, что всегда – Карина. Моя живая вода!

Я почувствовал, что должен что-то сделать, иначе сейчас же сойду с ума! Я включил радио, закурил, начал сомнамбулически двигаться в темноте, натываясь на предметы и качая головой. Эта сотня маленьких действий ничего не дала. И я вдруг решил выйти на улицу. Просто взять и выйти, и неважно, сколько сейчас время. Я быстро оделся, забыв о радио, вышел из квартиры. Закрыл дверь, механически сунул ключ в карман, быстро спустился по лестнице, наткнувшись на ночевку бомжа.

Улица встретила меня тишиной. Безветренно, и даже тепло. Я постоял пару минут, вдыхая осенний воздух, и пошел сам не зная куда, вдоль темных домов и тусклых сонных фонарей.

Я брел, и в голове висела черная пустота. Холодная тоска сжимала сердце костлявыми лапами. Не давая покоя. Меня мучил сон, в котором так ярко пронеслась история моей любви. Первой и единственной., печальной любви. Перед глазами возник образ Карины и не было ни сил ни желания гнать это прекрасное видение. Меня просто разрывало!

Неожиданно я уловил тихие шаги у себя за спиной. Кто-то догонял меня, неуверенно ступая по грязному тротуару. Мне было все равно, кто там ни ест, хоть сам Дьявол. Он мне не поможет. Я для него ничто! Я все мрачнел и мрачнел. Тем временем этот кто-то приблизился, отбрасывая слабую тень впереди меня. Девушка. Догадка тотчас подтвердилась, спросив чуть хриловатым девичьим голосом:

– Закурить не будет. Парень? – так неуверенно и опасливо. Ну и не спрашивала бы, раз опасается! А может, я маньяк? Я повернулся, протягивая мятую пачку «L&M», и встретился глазами с невысокой темноволосой девчонкой не старше 17—18 лет. Пока она прикуривала. Держа сигарету в ярко накрашенных по-детски пухлых губах, я успел рассмотреть ее как следует. Даже в неверном свете бледных фонарей, я оценил ее ножки по достоинству: их плотно облегали черные джинсы, и это были не редкость правильные ноги. Не слишком длинные, но стройные, подтянутые – она знает толк в спорте. По одежде я определил ее как фэнку рока – черная косуха со множеством замочков, на шее бандана с двумя красными буквами «АК» – «Агата Кристи», видимо. Обуто это юное рок-чудо в крутые, тяжелые, армейские ботинки на жуткой подошве – и как ее прелестные ножки такое поднимают? Я скользнул взглядом вверх – на плечи ей падали длинные темные волосы, блеснувшие винно-красным оттенком, она тряхнула головой, откидывая волосы с лица, и мы снова встретились взглядами. В ее зеленоватых глазах играл легкий страх перед незнакомцем. Очень странно, что девчонка ночью на улице одна! Может, она ищет заработка? Но это не тот район, и она неподходяще одета для «ноктюрн баттерфляй». Очень странно! Я внимательно смотрел а не, и вдруг поймал себя на том, что ищу в ней что-то общее с Кариной. Какая глупость! Не может весь белый свет походить на одну жестокую девчонку! Между тем, девушка глубоко затянулась и сказала вызывающе громко:

– Спасибо!

– Пожалуйста, бэби! – ответил я, и понял, что не хочу, чтоб она ушла. Она несколько отвлекла меня от тоски, и если она уйдет, тоска набросится на меня с новой силой, и сожрет совсем. Девушка медленно пошла вперед. Я посмотрел, как осторожно она ступает, и понял – она ждет, что я пойду за ней. И я пошел. «Нельзя девушке ночью на улице одной. Да еще и такой красивой. Кто бы она ни была. Мало ли что», – подумал я, но скорее так, для оправдания своей глупости. И если бы она оказалась в моей квартире... с топ! Это лишнее. У меня есть подруга, должно быть и что-то вроде верности! А иначе можно далеко-о зайти!

Сравнив шаг с ней, я выдал тупую банальность:

– А что ты делаешь одна ночью на улице?

Девчонка покосилась на меня и усмехнулась:

– Ничего не делаю! Гуляю.

Каков вопрос, таков и ответ. А она смелая! Гуляет! Ну-ну!

– не страшно?

Она выпустила дым, посмотрела под ноги:

– Страшно! – и снова посмотрела на меня. В ее глазах я увидел и недоверие, и ансмешбу, и страх и вызов. Я подхватил этот вызов:

– Давай гулять вместе! Если не боишься.

Она помедлила. Подняла голову к беззвездному, затянутому тучами небу:

– Ну, давай вместе! Все-таки одной страшнее.

– А меня не боишься? – поддразнил я ее настороженность. Но не похоже было, что она жалеет о сделанном. Да и куда ей деваться! У нее точно то-то случилось.

– Боюсь. Но ведь ты же не уйдешь, верно? – она сильно сжала сигарету. В безвыходной ситуации девочка – ночь, тишина, никто не поможет, если я вздумаю поиздеваться над ней. Я усмехнулся – не вздумаю. Ей повезло, что не нарвалась прежде на какую-нибудь сволочь. Неплохо бы выяснить, что толкнуло ее ночью на улицу. Одну.

– Верно, не уйду! Мы же договорились гулять вместе.

Она вся сразу как-то повобралась. Видно решив, что это начало ее неприятностей (или продолжение, откуда уж она там идет). Собственно, она практически полностью в моей власти, на моей стороне грубая сила. Но я не собираюсь этой силой пользоваться, ей нечего бояться. Я хотел было сказать что-нибудь, успокоить ее, но не стал – не поможет. Скорее испугает еще больше. И я спросил:

– А почему ты гуляешь ночью одна по городу? Согласись, ведь странно?

Ответ был неожиданным:

– Но ведь ты же гуляешь ночью один по городу! И не странно!

Она показала коготки. Ладно, не буду больше ее травить, ей и так не сладко. Хотя, при таких ногах она может здорово за себя постоять!

– Ноя не девушка, и я не боюсь!

– А я в гости ходила, а провожать некому!

Она сказала это очень вызывающе, и я сразу почувствовал – врет! Не в том дело, да и не ходят из гостей глубокой ночью. А если и ходят, она все равно врет. Интересно!

– О`кей, – кивнул я. – А как тебя зовут?

– Марина, – она нерешительно кашлянула. Снова врет. Не называют первому встречному настоящего имени. А я вот назову:

– А меня Вячеслав.

– Слава значит! – усмехнулась она: – здорово. Слава. Как Бутусов. Нарвется тебе «Наутилус»?

Я улыбнулся и кивнул. Рокерша – и это здорово!

– А куда мы идем, Вячеслав?

– Не знаю. Прямо. Марин, ты не мерзнешь?

На самом деле начал мерзнуть я сам...

– Да вроде ничего! Хотя есть маленько! А что ты предлагаешь?

– Да здесь... – я огляделся, – вот за углом, есть ночной бар. Может, зайдём? – я нащупал жесткие бумажки в кармане джинсов, и решил, что могу себе позволить согреть девушку стаканом спиртного. Марина пожала плечами:

– Пойдем!

Вот и отлично. Я еще раз окинул взглядом ее ноги – какие вызывающе привлекательные! Из тех, которых хочется бесконечно касаться. Может, до этого еще дойдет? я бы очень даже... представилось укоризненное лицо Ники. Да что, я ничего особенно плохого не подумал! Мне не в чем каяться. А сейчас мы посидим в баре, выпьем чего-нибудь, и согревшись, эта несчастная очаровашка расскажет мне, что толкнуло ее искать приключений на круглую попу с незнакомцем, который мог оказаться кем угодно. А может и не расскажет. Это неважно. Мне все не так уж важно. Как в песне «Мумий Тролля». Но он здесь ни при чем.

Через полчаса мы напивались джин-тоником в баре «Анжелика», и у меня начинала туманиться голова. Зеленоватые глаза моей новой знакомой блестели, она облизывала губы, и меня сильно тянуло ее поцеловать. Я все порывался назвать ее Кариной, но вовремя прикусывал язык. Еще через полчаса мы уже не особенно соображали, что говорим, хотя еще неплохо держали себя в руках. Я откровенно скользи взглядом по стройной фигурке Марины, но мысли уплывали в другом направлении. Не Марину я хотел бы целовать сейчас, не к ее ногам упасть. Горечь не таяла, лишь все больше отравляла мне душу, и я четко понимал, что снов вхожу в запой, и чем все это может закончиться, но честно говоря, мне было все равно. Росло желание целовать собутельницу, целовать до крови, до боли, чтоб она кричала, и весь мир летел к черту! Только бы заглушить невыносимую любовь!

Неожиданно для себя я ощутил странное доверие к этой пьяной рокерше. И ей, в общем-то первой встречной, я рассказал о том, что меня бросила любимая, и я гуляю с другой, а сейчас хочу Марину, и при том еще и пытаюсь быть счастливым. Девушка ответила, что это глупо, я ведь все равно так и буду мучиться, и девчонку свою мучить зря, так что лучше мне сразу и честно во всем признаться. Как и сделал ее парень, сказав, что любит ее. А другую, и даже дружит параллельно с Мариной. Но он раскрылся не сразу, сволочь, а сначала дал себя полюбить. Привязал к себе, а потом убил таким сообщением. И она, не зная как быть, отправилась ночью на улицу, да и встретила меня. И не надо мне делать своей девушке так больно, как досталось ей. Не надо превращаться в сволочь, обманывая кого-то, в первую очередь себя!

Она все правильно говорила. И я, не думая о деньгах, заказал еще «отвертки». Себе и Марине. Две несчастные, брошенные души заливали свое горе. Все просо. Да, все очень просто.

Поздним утром, даже скорее днем, меня разбудил телефон. Он разорвал мутную пелену сна, выдернул из забытья. Я с трудом разлепил веки. Все события прошлой ночи пронеслись передо мной чередой каких-то нереальностей. Довел Марину до дома, приставал в подъезде, она вывернулась из рук и исчезла. Дикая ерунда. Не хотелось не видеть, и не слышать никого. Вопил телефон. Снова болела голова. Проклятое похмелье живо дало мне понять, что я и в самом деле в духе прошлой жизни напился с первой встречной-поперечной, вместо того чтобы спать, а сейчас сидеть на лекциях. Очень жаль, что нет заочного, а то бы перевелся! Телефон все еще звенел невыносимо.

– Да! – хрипло каркнул я в трубку. И радостный Никин голос запел соловьем:

– Привет, солнце мое, почему не в универе? Я туда заходила, тебя там не было! Ты не заболел? Или просо на все забил? Тогда я приду. Жди!

– Давай, – я повесил трубку. Неожиданно меня разозли ее голос. Это испугало меня – первое, что происходит пред тем, как я остаюсь без девчонки. А я не хочу быть один! «На все забил!» я мрачно усмехнулся – знала бы ты, Никуля, как именно я забил. Не вернуться бы к кошмарам запоя, а то и наркоты... я снова закрыл глаза, и упал на постель. Я был даже не раздет. Фигня. Ника придет не раньше, чем после обеда, значит еще есть время поспать, придти в себя. Ох, я и мудака! В воображении возникло улыбающееся лицо подруги, и я почувствовал себя последним гадом. В самом деле, Марина права, нельзя Нику обманывать! Я же не люблю ее! Старюсь быть счастливым за ее счет. Ну, сегодня я поиграю в счастье, ну завтра, ну полгода, а потом-то что? Ника привяжется ко мне окончательно. Я объяснюсь с ней в нелюбви, она расстроится, и я останусь подлецом. И не только для нее, но и для себя! Нет, лучше покончить с этой нехорошей историей, пока еще не поздно! А я останусь один, сопьюсь, и тихо сгину...

Через два часа трижды пропищал звонок. Ника! Глубоко вздохнув и на ходу приглаживая волосы и подбирая слова, я решительно направился к двери. Надо хоть раз проявить твердость!

Ника предстала передо мной сияющая и прекрасная, как моя любимица Синди Кроуфорд. Сразу повисал на шее:

– Я так соскучилась!

Во мне зашевелились мелочные мысли – а может не стоит порывать с ней? Может, лучше оставить все как есть? Чем плохо идти с ней по улице, и ловить завистливые взгляды прохожих? Целовать ее ночами, и спорить над смыслом совместно прочитанной книги, сидя на лавочке в парке держать горячую ладошку... а если прогоню ее, то что – снова пить, мучаться и думать только о Карине, сгорая изнутри? Только это мне и останется! Я почти уже сдался, когда вдруг снова вскинулась во мне решимость – нет, нельзя чтобы это так и тянулось! Во всем идти до конца!

Я начал:

– Ника... ты знаешь, Ника, я... – и вдруг сказал совсем не то, что хотел. Я дезертировал, уткнувшись в папоротниковые джунгли ее волос:

– Я люблю тебя!

В конце недели отправился домой, к маме и братишке. Они встретили меня бурно, мама обнимала меня и вздыхала, а Гордей радостно приплясывал, как туземец вокруг пальмы. Оказалось, мама напекла пирогов, в надежде на мой визит, и мы, шумно радуясь друг другу ели их еще горячими. Мама все беспокоилась и хлопотала, то и дело вскакивая. Такая маленькая, хрупкая, начавшая сесть... Боже мой, мама, родная, золотое существо!

– Да ладно, мам, сиди, ну что ты, сиди! – пытались мы с Гордюхой успокоить ее, но она только шумно вздыхала, и продолжала свои нежные заботы. А я смотрел на нее, на счастливую рожицу Гордика, и думал – какое же это счастье – дом! Не просто квартира, где каждая вещь, сам воздух имеют родной запах, и все привычно и мило душе! Когда я жил здесь с мамой и братишкой, я готов был выть с тоски. Раздражали эти стены, вид из окна, забота матери, липучка-братишка! Я жаждал свободы! И вот, когда я получил желаемое, распробовал его, меня с ужасающей силой потянуло домой, к моей комнатенке. Захотелось спрятаться от всего, уйти, укрыться в привычном мирке, и не видеть никогда и ничего, кроме мамы, четырех стен, которые я делил с надоедливой, беспокойной мальчишкой, да скучного пейзажика за окном. Ах, как и мне захотелось все это вернуть! И даже сейчас, когда я казалось совершенно привык самостоятельной жизни, и отсутствию того, чем жил до 17 лет, я снова хочу оставить беспокойный, гудящий мир студентов, и никогда не покидать тихого угла. И какая тоска, что это невозможно! Какая тоска...

После пирогов мама снова отправилась на кухню, а мы с братом убрали посуду и ушли в нашу комнату. Гордей перекроил ее на свой вкус, переменял обои, снял мои плакаты и разбросал повсюду свои вещи, но когда сюда входил я, она снова становилась нашей. Некоторые

мои книги, коллекция машинок по полкам – все, что осталось прежним. Да еще увлечение русским роком, преданное ему в наследство от меня.

Я повалился на любимый диван, и ощутил тихое счастье. Я – дома! Как хорошо, Боже мой, как спокойно! Гордей растянулся рядом, и принялся очень серьезно и беспокойно делиться своими важными делами и открытиями, самыми главными в 15 лет. Он ведал мне свои мысли и переживания, а я тихо улыбался, узнавая себя. Все то же. Разве что в любви он куда более удачлив. Но честное мальчишеское сердце озадачивает то, что как ему кажется, Лера любит его больше, чем он ее. Он считал это несправедливым, ведь выходит, что она получает от него меньше, чем отдает сама. Святая простота, будь счастлив, что ты не одинок в своей любви, и тебя не терзают равнодушием! Бываешь в грязных подвалах, поддаваясь искушению «блатной жизни», и беспокоишься о справедливости любви! Так пусть же тебя всегда любят те, кого любишь ты! Что может быть важнее?!

Вечером мы пошли гулять вместе. Просто бродили по улицам и болтали о том – о сем. Потом отправились на площадь Ленина, где как всегда, шаталась молодежь. Потолкавшись там, то и дело натыкаясь на знакомых. Я встретил одноклассников, они сразу предложили мне водяры, я – отказываться, они – настаивать. Совсем не хотелось, но пришлось. Гордей побежал звонить подруге, и скоро вернулся расстроенный и злой. На все мои вопросы только отмахивался: «Потом скажу!» Компашка стала и ему совать рюмочку, но я бы ни за что не позволил! Не хватало еще такому салаге водки! Я, конечно, не так наивен, чтобы думать, будто он не пьет без меня, но чем меньше – тем лучше! Чуть погодя я позволили-таки ему стопарик, упрямо считая, что и этого много. Не будь я уже слегка «того», я бы постеснялся категоричности. Себе я позволял и напиваться «в полный вперед», и накуриваться до одури, и шататься по подвалам до рассвета. Но Гордею незачем ходить по моей кривой дороженьке, он успеет наделать и своих ошибок!

Пошатавшись с приятелями по площади, посидев в лесочке, проболтав обо всем, о чем можно, я решил, что братцу пора домой, и стал намекать ему на это. Но у него был такой беспокойный, расстроенный вид, что я не решился настаивать. Явно с Лерой разговор вышел не из приятных.

Становилось все скучнее, тем самым еще раз доказывая, что в компании больше трех человек хорошо только первые полчаса. Потом она превращается в кучку людей без общего интереса. Дух компании исчезает. Я решил, что пора уходить. Кое-как отделившись от них всех, мы с братом пошли домой. Сначала молчали и курили, потом Гордей тихо начал:

– Слав...

– Да?

Я уже знал, что он скажет, и что отвечу я.

– Я тебе сказать хотел... Ну, если тебе еще надо, насчет Лерки.

– Конечно, говори! Ругалась, да? – посочувствовал я.

– Да не то чтоб ругалась, она обиделась, что я ее на тебя променял! А ведь и правда так, видишь какая жертва! – невесело улыбнулся он. – Она ведь хотела, чтоб мы гулять пошли, ну там на дискач, и еще там... а я ей звоню и говорю, что ты приехал, и я с тобой гулять иду.

– А раньше бы предупредил девчонку, знал же.

– Ну, это еще неточно, я думал, ты с друзьями, а я к ней. Теперь же, я думал, она поймет, как человек. Эх, девчонки! – вздохнул он, а я едва не рассмеялся. Много он понимает в девчонках! Да и я тоже.

– Они такие! То даже на гадость глаза закроет, а то на мелочи крысится!

– Ага, вот-вот! У тебя Ника тоже так? – он несколько оживился.

– Да, бывает! То вроде все нормально, а потом как обидится, и даже непонятно, на что?

Вот надуется и все! я и так, и эдак, а она сидит такая неподступная, жуть!

Мне вдруг стало весело. Даже не знаю, почему. Близился рассвет, свежело и холодало.
Кайф!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.